

Г. Х. Андерсен. Стойкий оловянный солдатик.

Было когда-то на свете двадцать пять оловянных солдатиков, все братья, потому что родились от старой оловянной ложки. Ружье на плече, смотрят прямо перед собой, а мундир-то какой великолепный — красный с синим! Лежали они в коробке, и когда крышку сняли, первое, что они услышали, было:

— Ой, оловянные солдатики!

Это закричал маленький мальчик и захолопал в ладоши. Их подарили ему на день рождения, и он сейчас же расставил их на столе.

Все солдатики оказались совершенно одинаковые, и только один-единственный был немножко не такой, как все: у него была только одна нога, потому что отливали его последним, и олова не хватило. Но и на одной ноге он стоял так же твердо, как остальные на двух, и вот с ним-то и приключится замечательная история.

На столе, где очутились солдатики, стояло много других игрушек, но самым приметным был красивый дворец из картона. Сквозь маленькие окна можно было заглянуть прямо в залы. Перед дворцом,

вокруг маленького зеркальца, которое изображало озеро, стояли деревца, а по озеру плавали восковые лебеди и гляделись в него.

Все это было куда как мило, но милее всего была девушка, стоявшая в дверях замка. Она тоже была вырезана из бумаги, но юбочка на ней была из тончайшего батиста; через плечо у нее шла узенькая голубая ленточка, будто шарф, а на груди сверкала блестка не меньше головы самой девушки. Девушка стояла на одной ноге, вытянув перед собой руки, — она была танцовщица, — а другую вскинула так высоко, что оловянный солдатик и не видел ее, а потому решил, что она тоже одноногая, как и он.

«Вот бы мне такую жену! — подумал он. — Только она, видать, из знатных, живет во дворце, а у меня всего-то и есть, что коробка, да и то нас в ней целых двадцать пять солдат, не место ей там! Но познакомиться можно!»

И он притаился за табакеркой, которая стояла тут же на столе. Отсюда он отлично видел прелестную танцовщицу.

Вечером всех остальных оловянных солдатиков, кроме него одного, водворили в коробку, и люди в доме легли спать. А игрушки сами стали играть — и в гости, и в войну, и в бал. Оловянные солдатiki ворошились в коробке — ведь им тоже хотелось играть, — да не могли поднять крышку. Щелкунчик кувырчался, грифель плясал по доске. Поднялся такой шум и гам, что канарейка проснулась да как засвистит, и не просто, а стихами! Не трогались с места только оловянный солдатик да танцовщица. Она по-прежнему стояла на одном носке, протянув руки вперед, а он браво стоял на своей единственной ноге и не сводил с нее глаз.

Вот пробило двенадцать, и — щелк! — крышка табакерки отскочила, только в ней оказался не табак, нет, а маленький черный тролль. Табакерка-то была с фокусом.

— Оловянный солдатик, — сказал тролль, — не смотри куда не надо!

Но оловянный солдатик сделал вид, будто не слышит.

— Ну погоди же, вот наступит утро! — сказал тролль.

И наступило утро; встали дети, и оловянного солдатика поставили на подоконник. Вдруг, по милости ли тролля, или от сквозняка, окно как распахнется, и солдатик как полетит вниз головой с третьего этажа! Это был ужасный полет. Солдатик взбросил негу в воздух, воткнулся каской и штыком между камнями мостовой, да так и застрял вниз головой.

Мальчик и служанка сейчас же выбежали искать его, но никак не могли увидеть, хотя чуть не наступали на него ногами. Крикну он им: «Я тут!» — они, наверное, и нашли бы его, да только не пристало солдату кричать во все горло — ведь на нем был мундир.

Начал накрапывать дождь, капли падали все чаще, и наконец хлынул настоящий ливень. Когда он кончился, пришли двое уличных мальчишек.

— Гляди-ка! — сказал один. — Вон оловянный солдатик! Давай отправим его в плаванье!

И они сделали из газетной бумаги кораблик, посадили в него оловянного солдатика, и он поплыл по водосточной канаве. Мальчишки бежали рядом и хлопали в ладоши. Батюшки, какие волны ходили по канаве, какое стремительное было течение! Еще бы, после такого ливня!

Кораблик бросало то вверх, то вниз и вертело так, что оловянный солдатик весь дрожал, но он держался стойко — ружье на плече, голова прямо, грудь вперед.

Вдруг кораблик нырнул под длинные мостки через канаву. Стало так темно, будто солдатик опять попал в коробку.

«Куда меня несет? — думал он. — Да, да, все это проделки тролля! Ах, если бы со мною в лодке сидела та барышня, тогда будь хоть вдвое темнее, и то ничего!»

Тут появилась большая водяная крыса, жившая под мостками.

— Паспорт есть? — Спросила она. — Предъяви паспорт!

Но оловянный солдатик как воды в рот набрал и только еще крепче сжимал ружье. Кораблик несло все вперед и вперед, а крыса плыла за ним вдогонку. У! Как скрежетала она зубами, как кричала плывущим навстречу щепкам и соломинам:

— Держите его! Держите! Он не уплатил пошлины! Он беспаспортный! Но течение становилось все сильнее и сильнее, и оловянный солдатик уже видел впереди свет, как вдруг раздался такой шум, что испугался бы любой храбрец. Представьте себе, у конца мостика водосточная канава впадала в большой канал. Для солдатика это было так же опасно, как для нас нестись в лодке к большому водопаду.

Вот канал уже совсем близко, остановиться невозможно. Кораблик вынесло из-под мостка, бедняга держался, как только мог, и даже глазом не моргнул. Кораблик развернуло три, четыре раза, залило водой до краев, и он стал тонуть.

Солдатик оказался по шею в воде, а кораблик погружался все глубже и глубже, бумага размокала. Вот вода покрыла солдатика с головой, и тут он подумал о прелестной маленькой танцовщице — не видать ему ее больше. В ушах у него зазвучало:

Вперед стремись, воитель,
Тебя настигнет смерть!

Тут бумага окончательно расплзлась, и солдатик пошел ко дну, но в ту же минуту его проглотила большая рыба.

Ах, как темно было внутри, еще хуже, чем под мостком через водосточную канаву, да еще и тесно в придачу! Но оловянный солдатик не потерял мужества и лежал растянувшись во весь рост, не выпуская из рук ружья...

Рыба заходила кругами, стала выделять самые диковинные скачки. Вдруг она замерла, в нее точно молния ударила. Блеснул свет, и кто-то крикнул:

«Оловянный солдатик!» Оказывается, рыбу поймали, привезли на рынок, продали, принесли на кухню, и кухарка распорола ей брюхо большим ножом.

Затем кухарка взяла солдатика двумя пальцами за поясницу и принесла в комнату. Всем хотелось посмотреть на такого замечательного человечка — еще бы, он проделал путешествие в брюхе рыбы! Но оловянный солдатик ничуть не загордился. Его поставили на стол, и — каких только чудес не бывает на свете! — он оказался в той же самой комнате, увидел тех же детей, на столе стояли те же игрушки и чудесный дворец с прелестной маленькой танцовщицей. Она по-прежнему стояла на одной ноге, высоко вскинув другую, — она тоже была стойкая. Солдатик был тронут и чуть не заплакал оловянными слезами, но это было бы не пригоже. Он смотрел на нее, она на него, но они не сказали друг другу ни слова.

Вдруг один из малышей схватил оловянного солдатика и швырнул в печку, хотя солдатик ничем не провинился. Это, конечно, подстроил тролль, что сидел в табакерке.

Оловянный солдатик стоял в пламени, его охватил ужасный жар, но был ли то огонь или любовь — он не знал. Краска с него совсем сошла, никто не мог бы сказать, отчего — от путешествия или от горя. Он смотрел на маленькую танцовщицу, она на него, и он чувствовал, что тает, но по-прежнему держался стойко, не выпуская из рук ружья. Вдруг дверь в комнату распахнулась, танцовщицу подхватило ветром, и она, как сильфида, порхнула прямо в печку к оловянному солдатiku,

вспыхнула разом — и нет ее. А оловянный солдатик стаял в комочек, и наутро горничная, выгребая золу, нашла вместо солдатика оловянное сердечко. А от танцовщицы осталась одна только блеска, и была она обгорелая и черная, словно уголь.